

Книга: А.Гайдар. Собрание сочинений в трех томах. Том 3
Издательство "Правда", Москва, 1986

Данила Голиков, крепостной князей Голицыных, двадцати лет был отдан в рекруты, в сорок пять стал вольным человеком, получил надел, начал крестьянствовать. Как ни тяжела была служба, вспоминал и хорошее: друзей, удачные стрельбы, костры на бивуаках... Слова "солдат", "солдатское" произносились в доме с уважением.

Сын Данилы - Исидор научился столярничать. Женившись, перебрался в ближний от родного села городок Щигры. Мастер был отменный, особенно славился прялками, которых готовил к ярмарке великое множество.

Насколько известно, первым из рода пошел в школу, а затем решил учиться

далее сын Исидора Даниловича и Натальи Осиповны Голиковых - Петр.

В 1899 году окончив семинарию, Петр Голиков приезжает в город Льгов в начальное училище при сахарном заводе. Вместе с ним - жена Наталья Аркадьевна, в девичестве Салькова.

Сальковы не были ни знатны, ни богаты. Но род старый, служивый. Первым в древних документах значится Захарий Сальков - в 1613 году воевода в городе Парфентьеве. Затем упоминаются многие Сальковы, главным образом офицеры не очень высоких чинов в армии и на флоте.

Корни этого рода - в северных областях России, неподалеку от Галича.

Там Сальковы и породнились с Лермонтовыми, после того как Георг Лермонт

перешел в 1613 году с отрядом рейтаров на русскую службу. Прапрадед
Михаила
Юрьевича Лермонтова был родным братом пра-пра-пра... прадеда
поручика
Аркадия Салькова.

Согласия на брак своей дочери Натальи с "простолюдином"
Петром
Голиковым поручик Аркадий Геннадиевич Сальков не дал. Но тут, как
говорится,
нашла коса на камень. Наталья Аркадьевна пошла под венец без
родительского
благословения.

Правда, четыре года спустя попытку помириться с отцом она
сделала.
Когда 9(22) января 1904 года у супругов Голиковых родился первенец,
его в
честь деда нарекли Аркадием. Но штабс-капитан свою непослушную
дочь не
простил, на внука взглянуть не пожелал.

В поселке сахарного завода Голиковы прожили восемь лет. Здесь у
Аркадия
появились сестры, в 1905-м Наташа, три года спустя - Ольга. В
семье это
время вспоминалось счастливой порой.

Жили небогато, но в любви и дружбе. Много работали, много
читали. Книг
в доме всегда было в достатке. Характер у Петра Исидоровича был
ровный,
спокойный, он любил шутку, умел сочинять к случаю веселые стишки.
Наталья
Аркадьевна вела хозяйство, помогала мужу изучать французский язык,
который
сама знала с детства. Если Петр Исидорович отправлялся в окрестные
деревни:
в Орловку, в Красовку, в Нижние Груни, - Наталья Аркадьевна заменяла
его в
классах. Иногда вечерами Петр Исидорович, вспоминая отцовское
ремесло,

становился за верстак.

"Когда позднее мы с братом старались восстановить в памяти что-нибудь

из льговской жизни, - рассказывала впоследствии Наталья Петровна, - то

Аркадий ясно помнил этот верстак, домик с пчелами, и еще отчетливо помнил

небольшие, двигавшиеся под потолком огромного здания вагончики, и как каждый

вагончик, дойдя до определенного места, опрокидывался, а внизу в этом месте

росла огромная куча жома - выжатой сахарной свеклы".

12 октября 1905 года вагончики остановились.

Нет, не все было таким уж ясным и безоблачным в заводском поселке. Как,

впрочем, и по всей России.

Обратимся в курский архив к фонду канцелярии губернатора.

"На станции Льгов и на сахарном заводе мастера и рабочие предъявили требования об увеличении платы", - телеграмма уездного исправника от 13

октября 1905 года.

А вот что написано в воспоминаниях Е.И.Тихоновой, члена РСДРП с 1903 года:

"...Я встретила с Петром Исидоровичем., когда выполняла задание

Курского комитета РСДРП. Надо было съездить в Киев за нелегальной

литературой. Часть ее было решено спрятать у Голиковых..."

В РСДРП Голиковы тогда не состояли. Членами партии они стали позже:

Петр Исидорович в 1917-м на фронте, Наталья Аркадьевна в 1920-м в Арзамасе.

Но нелегальная литература хранилась у них часто, и двери их квартиры в

заводской школе всегда были открыты для подпольщиков.

В 1908 году, когда особенно усилились репрессии, в уезд прибыли

казаки,
начались аресты, супруги Голиковы с Аркадием, Наташей и совсем еще крошечной

Ольгой без особых сборов покинули обжитой дом и уехали далеко, на Волгу, в

Вариху - поселок при нефтеперегонном заводе.

25 октября 1908 года "не имеющий чина" П.И.Голиков зачислен на службу в

ведомство Нижегородского акцизного управления. Уже в следующем году Голиковы

поселились в Нижнем Новгороде. Родилась младшая дочка - Катя. И хотя Петр

Исидорович был теперь уже "старшим контролером управления", сводить концы с

концами стало нелегко. Отчасти поэтому, но во многом потому, что характер

Натальи Аркадьевны не позволял ей целиком удовлетвориться только семьей и

домашним хозяйством, а "акцизное управление" не школа, там мужу не поможешь,

она поступила учиться на частные акушерские курсы доктора Миклашевского.

Экзамены на диплом фельдшера-акушерки сдавала на медицинском факультете

Казанского университета, место для работы предложили в больнице Арзамаса.

Петр Исидорович попросил на службе перевод, и в апреле 1912 года Голиковы

обосновались в этом городке, который и стал для Аркадия страной его детства.

Ему было тогда 8 лет. Дом, друзья, улица, сады с вишнями-скороспелками,

пруды, где шли "морские сражения", опоясывавшая городок речка Теша - все это

навсегда вошло в его сердце и вылилось в его книгах.

Учеником АРУ - арзамасского реального училища - Аркадий стал 1 сентября

1914 года. Уже месяц далеко от Арзамаса грохотала первая мировая война. Уже отправился туда с маршевой ротой его отец рядовой Петр Исидорович Голиков.

Наталья Аркадьевна осталась с четырьмя ребятишками на руках. Работы в больнице прибавилось: в Арзамас стали прибывать раненые. На десятилетнего Аркадия легла дополнительная ответственность за порядок в доме, за сестренку. Интересно, что потом в письмах к отцу он всегда называл их не иначе, как "детишки".

Учился Аркадий нельзя сказать чтобы очень прилежно. Правда, чаще других получал пятерки по литературе, которую в их классе вел Николай Николаевич Соколов, его любимый учитель, выведенный им под прозвищем "Галка" на страницах "Школы".

Тосковал об отце, попытался убежать к нему на фронт. Через четыре дня первоклассник Голиков был найден на станции Кудьма возле Нижнего Новгорода и водворен домой. Когда в классе товарищи начали расспрашивать о побеге - хотя и поймали, но ведь на фронт бежал, не куда-нибудь! - Аркадий отмалчивался. Уже выработывался характер: добр, открыт, но самолюбив, и если уж решил что-то, не перегнешь.

К Петру Исидоровичу в 11-й сибирский полк на рижский участок русско-германского фронта идут письма. В них много сыновней нежности, любви.

"Мне сейчас ужасно хочется куда-нибудь ехать далеко-далеко, чтобы поезд уносил меня подальше, туда, за тобой, по той же линии, где ехал ты,

с того
же вокзала, где я так горько плакал..."

Есть и немного наивная детская "литературность":

"А поезд уходил все дальше и дальше, мерно стучал он по рельсам, и отрывалось от души что-то и уносилось вдаль за поездом к нему, милому и дорогому". Закончив фразу, Аркадий добавляет: "Это один отрывок из дневника моей души. Пиши, дорогой!"

Ушло письмо из Арзамаса в 1917-м. Точной даты нет. Однако ясно, что была весна:

"Цветет черемуха, так хорошо, хорошо. И мне невольно вспоминаются наши прогулки..."

Милое детское письмо. Такое мог бы написать любимому отцу любой грамотный и душевный мальчик. Но вот следующее, отправленное Аркадием не позднее чем через три месяца.

"Милый, дорогой папочка!

Пиши мне, пожалуйста, ответы на вопросы:

1. Что думают солдаты о войне? Правда ли, говорят они так, что будут наступать лишь только в том случае, если сначала выставят на передний фронт

тыловую буржуазию и когда им объяснят, за что они воюют?

2. Не подорвана ли у вас дисциплина?

3. Какое у вас, у солдат, отношение к большевикам и Ленину? Меня ужасно интересуют эти вопросы...

4. Что солдаты, не хотят ли они сепаратного мира?

5. Среди состава ваших офицеров какая партия преобладает? И как вообще они смотрят на текущие события?.. Неужели - "Война до победного конца", как кричат буржуи, или "Мир без аннексий и контрибуций"?..

Пиши мне на все ответы, как взрослому, а не как малютке".

После Февральской революции прапорщик П.И.Голиков избран солдатами 11-го сибирского полка комиссаром, и исполком Совета солдатских депутатов 12-й армии утвердил их решение. Потом П.И.Голиков становится командиром полка. Затем - комиссаром штаба дивизии. Всю гражданскую войну Петр Исидорович провел на ее фронтах.

Взгляды отца, традиции семьи, безусловно, оказали немалое влияние на формирование мировоззрения Аркадия.

Кроме того, он был не по возрасту начитан. В 1917 году на вопрос анкеты

"твое любимое занятие?" ответил коротко и исчерпывающе: "книга". В списке любимых писателей на первом месте его кумир - Гоголь. И еще - Пушкин, Толстой, Гончаров, Писарев, Достоевский, Шекспир, Марк Твен...

Но Аркадий вовсе не тихий и "книжный" мальчик. Он высокий, сильный, широкоплечий. Полон жажды деятельности, решителен, смел, привык к самостоятельности, пользуется авторитетом у товарищей, уважением лучших преподавателей.

В сентябре 1917 года на первых выборах классного комитета получает наибольшее - 20 из 34 - число голосов.

"Нас теперь не оставляют "без обеда"... - с гордостью сообщает он отцу.

- Постараемся, чтобы нам удалось провести в этом году, чтобы один представитель от нашего четвертого класса присутствовал на родительском совете, хотя бы с правом совещательного голоса... Ведь о учениках же

решают,
как же ученикам не знать того, что о них решают?"

Сетует:

"...у нас в училище все учителя - кадеты, ну и столкнись с ними".

С должной солидностью добавляет:

"Пишу я тебе об этом, надеюсь, что тебе интересно знать,
каковы наши
первые организации".

Вырывается на страницы заветное: "Ведь у вас полковые комитеты не
диво:

таи все взрослые, между тем как у нас все еще только ученики IV
класса".

Аркадию уже тесно там, где "все еще только ученики IV
класса". Он
рвется в большой, бурлящий мир. Он внутренне готов к этому. И время
идет ему
навстречу.

Может быть, если бы революция застала Аркадия в большом городе,
жизнь
его сложилась бы как-то иначе. Но в Арзамасе каждый грамотный,
дельный,
стремящийся оказать посильную помощь человек, пусть он даже еще очень
молод,
для арзамасских большевиков полезен.

Партийная организация не велика, а работы много. Через
Арзамас идут
военные эшелоны, на вокзале митинги, в бараках под городом
австрийцы -
военнопленные. А вокруг волнуются, бурлят села. Там активно действуют
эсеры.

Аркадий выполняет поручения.

"Стал у нас вроде связного и разведчика, - вспоминает
активная
участница революционных событий в Арзамасе Я. И. Николаева: -
ходил по
городу, узнавал, где какой митинг. Потом... вызвался патрулировать
улицы".

В школьном дневнике Аркадия появляется номер винтовки: 302939.

Интереснейший это дневник! "Я играю гусара Глова из комедии Гоголя "Игроки". Аресты кадетов", "Был Варнава. Большевики преданы анафеме", "В городе стрельба. 5 раненых с нашей стороны", "Мы с Березиным ходим патрулем. Осадное положение", "Мы отрезаны от Мурома, Нижнего, Ардатова, Лукоянова. Все вооружены. Чувирин идет с отрядом", "Дежурил в Совете, ночью ходил на вокзал к начальнику интернациональной дружины Кану, ночевал на вокзале", "Засада около Всех Святых. Пулемет. 35-40 человек скрылись..."

В августе 1918 года Аркадий подает заявление:

"В комитет партии коммунистов. Прошу принять меня в Арзамасскую организацию РКП. Ручаются за меня тов. Гоппиус, Вавилов".
Решение

Арзамасского комитета РКП(б) от 29 августа 1918 года: "Принять А. Голикова в партию с правом совещательного голоса по молодости и впредь до законченности партийного воспитания".

В августе 1918 года Арзамас становится одним из важнейших военных центров революции. Здесь дислоцирован штаб Восточного фронта.

Аркадий Голиков записывает:

"Жизнь в Арзамасе очень оживилась, совсем не та атмосфера. Военное обучение понемногу налаживается. Прошли рассыпной строй - скоро к стрельбе..."

В декабре 1918-го Аркадий Голиков уходит в Красную Армию, чтобы "бороться за светлое царство социализма".

Так потом он напишет в "Школе".

В штабе командующего обороной и охраной железных дорог

Республики

Аркадий прослужил по март 1919 года. Сначала адъютантом, затем начальником команды связи. С апреля того же года он курсант 2-й роты 6-х советских пехотных Киевских курсов красных командиров.

Части Красной Армии, выбив петлюровцев, вступили а Киев два месяца назад. Главный фронт откатился к югу. Вокруг города действуют банды. Их много, есть крупные. У Гончара, например, 6 тысяч штыков, 8 орудий, около двух десятков пулеметов. Банды образуют внутренние фронты.

По приказу командующего киевским боевым участком П.Павлова курсантам приходится то и дело прерывать учебу и вступать в схватку с врагом.

"16-го сего мая боевой отряд особого назначения, выделенный из состава вверенных мне курсов, отбыл к месту назначения", - докладывает Павлову начальник курсов.

В списке 2-й роты отряда под No 161 значится Голиков Аркадий.

Полтора месяца отряд ведет бои против банд атамана Григорьева под Крюковом, Кременчугом и Александринском. Затем возвращается продолжать учебу.

Но и в Киеве неспокойно. Бунтуют или готовы взбунтоваться некоторые из расквартированных в городе полков. Начальник гарнизона издает приказ: "В момент наивысшего напряжения сил трудящихся в борьбе с поднимающей голову белогвардейщиной в г. Киеве и его окрестностях... введено осадное положение".

Секретарь комячейки курсов Аркадий Голиков сообщает в политотдел:

"Настроение курсантов приподнятое, взаимоотношения между командным составом и курсантами удовлетворительные, дисциплина хорошая... случаев неисполнения приказов нет".

Обстановка усложняется. Войска генерала Деникина наступают на Москву, петлюровцы рвутся к Киеву.

23 августа. На 6-х курсах - досрочный выпуск. Новых краскомов не распределяют по частям. Из них здесь же формируется Ударная бригада, которая сразу выступает на оборону Киева. Командирами полурот и взводов назначены лучшие выпускники. Командирами рот и батальонов - преподаватели.

27 августа в бою под Бояркой взводный Аркадий Голиков заменяет убитого полуротного Якова Оксюза...

31 августа части Красной Армии оставляют Киев.

"Прошел 300 верст в составе арьергарда, прикрывавшего... отступление наших войск, и вышел к Гомелю с ротой курсантов в семнадцать человек из ста восьмидесяти".

Начало крутое.

Позднее эти огненные полгода: учеба, бои, гибель товарищей, пылающая Украина - легли в основу первой повести Аркадия Голикова "В дни поражений и побед".

После шрапнельного ранения в ногу, полученного в декабре 1919 года уже на Польском фронте, где он командовал взводом в 468-м стрелковом полку, Аркадий Голиков приехал на побывку домой.

Наталья Аркадьевна по-прежнему много работает. Как раз накануне приезда сына подала заявление о переводе ее из сочувствующих в члены РКП(б).

Петр

Исидорович находится на Восточном фронте. Там добивают Колчака.

"В общем, я собой доволен, - пишет из дома отцу Аркадий. - Немножко устал, но это пустяки".

Все же устал он, видимо, крепко. В Арзамасе заболел - тиф. К счастью, в легкой форме. В марте 1920 года наголо остриженный, похудевший приезжает в Москву за новым назначением.

...Может быть, те, кому довелось бывать на Кавказском побережье Черного моря и ехать от Сочи на юг, помнят небольшую речку Псоу. Она пересекает шоссе за Адлером. У моста - стеклянная коробка поста ГАИ. По реке проходит граница между РСФСР и Грузией.

Весной и летом 1920 года здесь стояла 4-я рота 2-го батальона 303-го полка. Командовал ротой Аркадий Голиков.

Сторожевая служба. Смена караулов, дозоров, занятия с красноармейцами.

Изредка учебные стрельбы. Патроны приказано беречь.

Из аттестации:

"...Хотя ко времени прибытия тов. Голикова в наш полк фронт был уже ликвидирован и потому судить в чисто боевом отношении мне нельзя, но судя по его сознательному отношению к делу, ясным и толковым распоряжениям, благодаря которым у него создались правильные отношения с красноармейцами, как товарища, так и командира, можно думать, что он при всякой обстановке сохранит за собой эти качества...

В моем же батальоне он является пока только одним, удовлетворяющим

требованиям командирования на высшие курсы".

Командир батальона подписал аттестацию 29 июня 1920 года.

Вскоре весь

303-й полк, поднятый по тревоге, грузился на станции Дагомыс в теплушки.

Пункт назначения - станица Белореченская. Снова пылала Кубань.

На Западном фронте белополяки перешли в наступление.

Воспользовавшись

этим, оживилась контрреволюция на юге России. На Северном Кавказе спустилась

с гор так называемая "армия возрождения России" генерала Фостикова.

Высадились из Крыма десанты генералов Улагая, Черепова, Харламова.

"...Я живу по-волчьи, команду ротой, деремся с бандитами вовсю", -

сообщал Аркадий Голиков в Арзамас своему товарищу Александру Плеско.

Сохранилась фотография тех лет. Из-под папахи строго смотрит молодой

командир с ремнями на широких, слегка, покатых плечах и кавалерийской шашкой

у пояса. Таким в октябре 1920 года Аркадий Голиков предстал в Москве перед

членами мандатной комиссии Высшей стрелковой школы "Выстрел".

Еще нет семнадцати, но не мальчик: боевой опыт, три фронта, ранение,

две контузии. Последняя - в атаке, когда батальон занимал Тубинский перевал.

Жизненный путь выбран - кадровый командир Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Учится судя по всему хорошо. Принятый на младшее отделение, командиров

рот, он оканчивает "Выстрел" по старшему, тактическому, отделению. Во время

учебы проходит короткую стажировку в должностях комбата и комполка.

17 февраля 1921 года в Политическом управления РККА ему вручено

удостоверение № 10294. "Дано сие Голикову А.П. (комбату), окончившему

"Выстрел", в том, что он командирится в распоряжение Центрального Комитета РКП".

Заведующий отделом ЦК РКП(б) А.К.Александров назначен командующим военным округом, в который входят Тамбовская, Орловская, Воронежская и Курская губернии. Выезжая в Воронеж, в штаб округа, он берет с собой шесть выпускников "Выстрела".

"Пишу тебе из Воронежа, с Юго-Восточного вокзала, на запасном пути которого стоит наш вагон... - сообщает отцу Аркадий Голиков, - размышляю над той работой, которая предстоит с завтрашнего дня мне, вступающему в командование 23-м запасным полком, насчитывающим около 4-х тысяч штыков.

Работа большая и трудная, тем более что много из высшего комсостава арестовано за связь с бандами, оперирующими в нашем районе, во всяком случае, при первой же возможности постараюсь взять немного ниже..."

Из письма видно, что назначением Аркадий Голиков взволнован и озабочен.

Полк - организация особая. Роты, батальоны - его подразделения. Из нескольких полков создаются соединения - дивизии. Полк же именуется частью, он основа.

Задача запасного полка - обучение красноармейцев, подготовка пополнения для действующих частей.

Вскоре у Аркадия Голикова появляется возможность "взять ниже". Его полк расформирован, и он вступает в командование батальоном, потом сводным отрядом, действовавшим против банд эсера Антонова.

Точнее, это уже не просто банды. Пользуясь недовольством крестьян продрозверсткой, прибегая то к обману, то к насильственным мобилизациям, Антонову и его "главному оперативному штабу" удалось сформировать в Тамбовской губернии две "армии" общей численностью до 50 тысяч человек.

В июне 1921 года командующий войсками Тамбовской губернии М.Н.Тухачевский подписал приказ о назначении Аркадия Голикова командиром 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом.

30 июня 1921 года Аркадий Голиков докладывал в штаб, из Моршанска, что в командование 58-м полком вступил. Ему было 17 лет и 5 месяцев. В списках полка значилось 2879 человек.

Полистаем боевые приказы и донесения.

"Конная разведка 58-го полка в с. Байловка встретилась с бандой Дегтева в числе 70 человек... Благодаря крутым, а местами болотистым берегам реки Кошмы догнать бандитов в конном строю было невозможно. Разведкой захвачена 21 лошадь с седлами. Преследование продолжается..."

"По сведениям войсковой разведки в районе села Хмелино оперирует банда Коробова - Попова численностью до 300 всадников... В случае обнаружения банды, не дожидаясь особых приказаний, немедленно атаковать ее и уничтожить".

"В районе Хмелино - столкновение с бандой Попова - Коробова в числе около ста конных..."

Партия принимала решительные меры, чтобы ликвидировать мятеж быстро и с

наименьшими человеческими жертвами. В областях, охваченных мятежом, раньше чем в других районах страны подразделения заменены подразделениями.

Развернута

широкая разъяснительная работа. В губернию направлены подкрепления.

Бежал и был убит Антонов, угасала антоновщина. Выходили из лесов

обманутые крестьяне...

Из приказа № 74 по 5-му боевому участку!

"В целях оказания помощи советским хозяйствам в своевременной уборке

урожая приказываю: командиру 1 роты 58 полка и комвзвода 8 роты того же

полка оказывать полное содействие зав. совхозами № 3, 4 и 8... При

выделении вооруженных команд командирам частей строго учитывать обстановку

на вверенных вам участках, отнюдь не ослабляя боеспособности в частях, дабы

не было ущерба в выполнении возложенных на вас оперативных заданий...

Врио комвойсками 5-го участка Голиков"

Константин Федин вспоминает:

"В 1925 году в редакцию ленинградского альманаха "Ковш" пришел высокий

и очень складный молодой человек, светловолосый, светлоглазый...

Он положил на стол несколько исписанных тетрадок и сказал:

- Я Аркадий Голиков. Это мой роман. Я хочу, чтобы вы его напечатали...

На вопрос, писал ли Голиков что-нибудь прежде, он ответил:

- Нет. Это мой первый роман. Я решил стать писателем.

- А кем вы были раньше и кто вы теперь?

- Теперь я демобилизованный из Красной Армии по контузии.

А был

комполка".

Раньше был комполка - понятно. Решил стать писателем - тоже понятно. Но

кем же он был вот тогда, когда появился в редакции альманаха в

гимнастерке и
армейской фуражке, на выгоревшем околыше которой темнел след недавно
снятой
красной звездочки?

Отвечает на этот вопрос учетный листок No 12371
Московского
горвоенкомата, составленный на Голикова А.П. в 1925 году. В графе
"Состоит
ли на службе и где?" ответ "б/раб. ".

Значит пока что официально - безработный.

...После ликвидации антоновщины Аркадий Голиков воевал еще
долго.

Сначала в Тамьян-Катайском кантоне в Башкирии, потом в Сибири, в
Хакасии.

Здесь, на границе с Тувой, начальник 2-го боерайона Голиков
боролся с
крупной бандой Соловьева, который грабил крестьян, совершал
налеты на
золотые прииски.

2-й боевой район включал шесть нынешних районов юга Красноярского
края:

Ужурский, Шарыповский, Орджоникидзевский, Ширинский, Богградский и
часть

Усть-Абаканского. Вскормленная степь, горы, местами тайга.

Соловьев из

местных. Его поддерживают здешние богатей, он знает все ходы и выходы.

Порой Аркадий Голиков и его бойцы сутками не оставляли седла. Но
все же

Аркадию Голикову удалось раздобыть книги, учебники: он собирался
поступить в

военную академию. Еще из Моршанска сообщал об этом отцу, делясь
опасениями,

что не выдержит вступительных экзаменов по общеобразовательным
предметам:

"ведь что и знал, то позабыл все".

Урывками, главным образом по ночам, начал он готовиться к

экзаменам.

Но подкралась беда. Ударила неожиданно и крепко.

Рассказала мне об этом Аграфена Александровна Кожухова, в избе которой в селе Форпост (Форпос - называли его крестьяне) стоял на квартире Аркадий Голиков.

- Веселый был, - сказала Аграфена Александровна. - И ласковый. А потом что-то с ним сделалось. Случилось что-то...

Случилась болезнь. В Сибири, в селе Форпост, догнало Аркадия Голикова эхо его прежних, еще на кавказском фронте и антоновщине, контузий.

"Тут я начал заболеть (не сразу, а рывками, периодами), - написал впоследствии об этом Аркадий Гайдар. - Все что-то шумело в висках, гудело и губы неприятно дергались".

Его долго лечили. В Красноярске, Томске, Москве. Приступы травматического невроза накатывали реже, были не так остры. Но заключение врачей перечеркивало мечту об академии.

...Осенним утром 1923 года в Москве, в Лефортове, из ворот старинной военной больницы вышел человек в длинной кавалерийской шинели. Листья в садике напротив госпиталя уже пожелтели, ветер срывал их с деревьев. Поправив на плече небольшой вещевого мешок, человек зашагал по улице вниз к Яузе.

В кармане его гимнастерки лежал аттестат No 10079.

"Дан сей от 1-го Красноармейского Коммунистического военного госпиталя б. комполка 58-го отд. полка по борьбе с бандитизмом Голикову Аркадию в том, что он при сем госпитале удовлетворен провиантским, приварочным,

чайным,
табачным, мыльным довольствием..."

В тот же день он получил в Генштабе копию приказа, разрешающего ему по состоянию здоровья шестимесячный отпуск с сохранением содержания.

В сущности, это было начало прощания с Красной Армией.

Есть основания предполагать, что в тот день в вещевом мешке Аркадия

Голикова вместе со сменой белья, мылом и табаком находилась толстая в

линейку тетрадь. На синей ее обложке в правом верхнем углу нарисована

красная звездочка. Ее лучи наискосок, через страницу падают на слова:

"В дни поражений и побед".

Отныне так будет всю жизнь.

Аркадий Голиков станет Аркадием Гайдаром, снова, как в гражданскую, исколесит страну, будет веселым и грустным, испытает поражения, одержит

победы... И на каждой его рукописи, большой или маленькой, неизменно в

правом верхнем углу первой страницы засветится красноармейская звездочка,

освещая и согревая своими лучами его слова.

Бережно и заботливо отнеслась Красная Армия к попавшему в беду

командиру полка. Отпуск продлевали. Потом Аркадий Голиков был зачислен в

резерв. И наконец появились в приказе слова: "в бессрочный отпуск".

По последнему командирскому литеру осенью 1924 года Аркадий Голиков

едет в Крым навестить свою больную мать.

Наталья Аркадьевна покинула Арзамас в 1920-м, вскоре после того, как

стала членом РКП(б).

Она заведовала уездным отделом здравоохранения в Пржевальске, была

членом уездно-городского ревкома. В Иссык-Кульской долине действовали басмачи. "Ее подпись - вместе с подписью предревкома - стоит под многими решениями и постановлениями того горячего и сурового времени", - пишет Борис Осыков, автор интересной книги об Аркадии Гайдаре, просматривавший архивы Киргизской ССР.

У меня на руках несколько ее писем, картонные прямоугольники мандатов.

Они относятся к 1922-1924 годам, когда Наталья Аркадьевна заболела и переехала в Новороссийск, где заведовала облздравотделом. На красных мандатах тоже отблеск времени:

"Предъявитель сего тов. Голикова Н.А. является делегатом окружного съезда Советов рабочих, казачьих, красноармейских и флотских депутатов..."

Письма адресованы старшей дочери. Почерк неровный.

Чувствуется, что

Наталье Аркадьевне трудно держать карандаш. У нее последняя стадия туберкулеза.

"Милая Талочка! Все-таки умирать я подожду, пока твои экзамены не кончатся. Так что не беспокойся..."

Иногда прорывается боль:

"Ночами я не сплю и часто плачу оттого, что не увижу больше ни тебя, ни Аркадия..."

Но сын успел, приехал.

В гимнастерке с нашивками комполка на рукавах он сидит у постели матери, положив руку на ее плечо. На этой фотографии он выглядит даже старше Натальи Аркадьевны. Она коротко подстрижена, девичьим стало исхудавшее

лицо,
огромными глазами, в которых застыл недоуменный и по-детски
беспомощный
вопрос: почему?..

Вернемся теперь на Невский проспект в Дом книги, где кипела в
середине
двадцатых годов литературная жизнь Ленинграда и на одном из
этажей
размещалась редакция альманаха "Ковш".

Принести в альманах рукопись своего первого произведения
было для
начинающего литератора довольно смелым поступком. В "Ковше"
печатались
Алексей Толстой, Леонид Леонов, Борис Лавренев, Михаил Зощенко,
Вениамин
Каверин... Из поэтов: Борис Пастернак, Осип Мандельштам, Павел
Антокольский,
Николай Асеев. А.М.Горький считал "Ковш" одним из лучших
литературных
периодических изданий того времени.

Первым в редакции рукопись Аркадия Голикова прочитал Сергей
Семенов.

Передавая ее другим членам редколлегии, сказал:

"- Это, конечно, не роман, а повесть... Но это здорово... По-
моему, из
него может получиться писатель. Почитайте!"

Мнение члена редколлегии Константина Федина записано в
автобиографии

Аркадия Гайдара:

"Писать вы не умеете, но писать вы можете и писать будете".

Началась работа над текстом повести. Аркадий Гайдар вспоминает:

"Учили меня: Константин Федин, Михаил Слонимский и особенно
много
Сергей Семенов, который буквально строчка по строчке разбирал вместе
со мною
все написанное..."

И все же напечатанная в "Ковше" повесть "В дни поражений и

побед"

успеха Аркадию Голикову не принесла. Нельзя сказать, что ее не заметила

критика. Заметила, да еще как! Известный в ту пору литературный критик

Михаил Левидов, выступивший с обзором альманахов "Ковш", "Недра", "Перевал"

- двадцать два автора упомянуты, - даже начал с нее свою статью: "Нас

интересует вопрос, на каком основании ожидал Аркадий Голиков, что его

произведение понравится какому бы то ни было читателю. Сюжет?

Вместо него

банальный эпизод. Действующие лица не живут. Языка нет, так, серая пыль..."

Отрицательные рецензии появились в журналах "Звезда", "Книгоноша", и

только "Октябрь" отметил, что "произведение А. Голикова отходит некоторым

образом от шаблона..."

Теперь, когда минуло шесть десятилетий и мы знаем все книги Аркадия

Гайдара, можно спокойно, с высоты нашего знания, перечитать эти рецензии.

Можно признать, что кое в чем критики были правы. Хотя, конечно, и это

сейчас особенно ясно видно, не заметили они, как даже в первой повести от

страницы к странице постепенно становится крепче и звонче голос молодого

писателя. А главное, не разглядели его искренности и чистоты, которую сразу

почувствовали Константин Федин и Сергей Семенов.

Но как пережил тогда этот удар сам Аркадий Голиков? Что делал,

чувствовал он, когда грянул гром и сверкнули молнии?

Он работал. За полгода им было сделано немало. Крепко поработав над

"Днями поражений и побед", написал несколько глав "Последних туч". Правда, это отложил. Зато опубликован рассказ "Патроны". И вот на столе законченная повесть "Р.В.С."... Что дальше?

Последнее время снова все чаще гудело в висках. Видимо, устал. Да и что там ни говори, разгромные статьи в журналах о первой повести тоже не прошли даром...

Весной 1925 года Аркадий Голиков уезжает из Ленинграда.

Куда? Главное тронуться в путь. Там будет видно...

Он любил дорогу. Она лечила, возвращала уверенность, вливала силы.

"Нигде я не сплю так крепко, как на жесткой полке качающегося вагона, и никогда не бываю так спокоен, как у распахнутого окна вагонной площадки..."

- написал он.

Влюбленность в движение и пространство осталась до конца жизни. Может быть, потому так и не удалось ему создать прочное, оседлое, уютное жилье с хорошим письменным столом и любовно подобранной библиотекой.

В одном из последних дневников, уже перед началом Великой Отечественной, он записал:

"Путник и дорога как целое - при одних обстоятельствах, а при других - дорога его не касается, он касается ее только подошвами".

У Аркадия Гайдара дороги проходили через сердце.

Возвратившись из странствий в Москву, Аркадий встретил своего давнего товарища Александра Плеско. Была осень 1925 года, как раз шел призыв в армию молодежи 1903 года рождения, и Александра Плеско, который работал в Перми

заместителем ответственного редактора газеты окружка партии "Звезда", тоже переводили в военную печать.

Александр Плеско посоветовал Аркадию ехать в Пермь. Газета хорошая, коллектив молодой, дружный, кроме того, в "Звезде" сотрудничает Николай Кондратьев, их общий друг по Арзамасу.

Пермь - так Пермь!

Аркадий Голиков приехал в Пермь в самый канун 8-й годовщины Октябрьской революции. Через несколько дней в праздничном номере "Звезды" появился его материал.

"- На перекрестки! - задыхаясь, крикнул командир отряда. - Всю линию от Жандармской до Покровки... Сдыхайте, но продержитесь три часа.

И вот..."

Так энергично начинался его рассказ "Угловой дом".

Под газетным подвалом стояла подпись - Гайдар.

Принято считать, что именно 7 ноября 1925 года в литературе и в журналистике впервые появилось это имя. Так ли?

На размышления наводит письмо, которое Аркадий послал отцу из

Красноярска в 1923 году. Он сообщал, что пишет и даже "зарабатывает

небольшой корреспонденцией". Кроме того, есть запись в дневнике Аркадия

Гайдара за 1940 год, в которой он вспоминает свои юношеские стихи:

"17 лет тому назад:

Все прошло. Но дымят пожарища,
Слышны рокоты бурь вдали.
Все ушли от Гайдара товарищи.
Дальше, дальше вперед ушли".

Получается, что стихи написаны в 1923 году. И уже тогда

прозвучало -

Гайдар. Может, если полистать подшивки газет, выходявших в Красноярске в 1923 году, вдруг и обнаружится это имя на их страницах.

Но почему в таком случае и над повестью "В дни поражений и побед" и над

первой публикацией "Р.В.С." он поставил - Арк. Голиков?

И откуда возникло слово Гайдар, звонкое и раскатистое?

Аркадий Гайдар на такой вопрос не отвечал. Если приставали, отделялся шуткой.

Уже после его гибели стали возникать догадки. Автором версии, получившей широкое распространение, стал писатель Борис Емельянов. От него и пошло: "По-монгольски "гайдар" - всадник, скачущий впереди".

Есть в ней, по-видимому, какая-то доля истины. Ну хотя бы то, что Аркадий Голиков действительно бывал в Башкирии, потом в Хакасии, а имена Гайдар, Гейдар, Хайдар на Востоке распространены.

Но чего бы вздумалось девятнадцатилетнему Аркадию Голикову брать иноплеменное, хотя и звучное имя?

Думаю, не потому, что означает это слово - "всадник, скачущий впереди".

Во-первых, в монгольском языке слова "гайдар" в подобном значении не существует. А во-вторых, не был Аркадий хвастлив и нескромен. Зато всегда, с детства, был большой выдумщик. В реальном училище пользовался шифром собственного изобретения.

Разгадать загадку, которую задал нам писатель, удалось его школьному товарищу А.М.Гольдину.

Вспомним сначала, что в детстве Аркадий учил французский язык. Всегда

любил вернуть при случае французское словечко. "Сереза! Завтра - 22 января

- мне стукнет ровно без шести лет сорок. Молодость - "э пердю! Ке фер?" -

написал он С. Розанову.

Напомним еще, что во французском языке приставка "д" указывает на

принадлежность или происхождение, скажем, д'Артаньян - из Артаньяна.

Итак: 1923 год, Аркадий Голиков ранен, контужен, болен. Путь кадрового

командира РККА, начатый так уверенно, заволкли тучи. Что делать дальше? Как

жить? Созревает решение - литература.

Тогда и придуман, найден литературный псевдоним: "Г" - первая буква

фамилии Голиков; "АЙ" - первая и последняя буквы имени; "Д" - по-французски

- "из"; "АР" - первые буквы названия родного города.

Г-АЙ-Д-АР: Голиков Аркадий из Арзамаса.

Кстати, поначалу он и подписывался - Гайдар, без имени и даже без

инициала. Ведь имя уже входило частичкой в псевдоним.

Лишь когда псевдоним стал фамилией, на книгах появилось: Аркадий

Гайдар.

Перелистывая подшивку пермской "Звезды" с ноября 1925 по январь 1927

года, когда он сотрудничал в газете, невольно поражаешься объему проделанной

им работы: за год с небольшим им опубликованы 13 рассказов, 12 очерков, 4

повести - они печатались с продолжением почти в 70 номерах. Но главный жанр

- фельетон: 115 фельетонов подписаны - Гайдар.

Темы разнообразны, их не перечислишь. Некоторые фельетоны содержат в

себе, как говорится, "непреходящие приметы времени", некоторые, к сожалению,

не потеряли актуальности до сих пор.

"Неуместная наивность", "Остров вакханалии", "Тихая обитель" - это о тех, кто, занимая ответственные посты, использует свое служебное положение для безудержного приобретения личных благ. "История о неуловимом билете", "Буква закона", "Простая истина", "Купленный человек" - в защиту трудового человека от бюрократов. "Кизеловская щедрость", "Осиновые дела", "Госторговские яйца", "История одной смерти" - о неумелых, нерадивых хозяйственниках, наносящих огромные убытки государству.

От газеты к газете увереннее звучит голос фельетониста.

В конце июня 1926 года опубликован его "Фельетон без визы", в котором цитируется распоряжение директора Лысьвенского металлургического завода:

"По соображениям политико-экономического характера предлагаю всем корреспондирующим как в газеты, так и в другие периодические издания, все корреспонденции, освещающие внутреннюю жизнь завода, представлять на санкцию мне и лишь после моей визы могут быть отправлены по назначению".

Затем следует комментарий - декларация Аркадия Гайдара:

"Тов. директора, администраторы и пр. ответственные и безответственные товарищи вышеприведенного образа мысли, нашу страну, нашу революцию мы, те, кто пишет в газеты, и те, кто еще не пишет, но будут писать, когда научатся и поймут всю роль и все значение советской печати, - любим не меньше вас.

И наша любовь глубже, потому что мы приемлем революцию со всеми ее хорошими и неизбежно отрицательными сторонами, мы не закрываем глаз

ни на
что... а потому бросьте курить фимиамом напыщенных фраз о
тайных
политико-экономических причинах, ибо никаких "тайн" тут нет и
угодливого
молчания нет и не будет до тех пор, пока будет существовать
рабочая
печать..."

...Не таким уж заметным среди прочих выступлений Гайдара был
фельетон
"Шумит ночной Марсель" о судебном следователе Филатове, который
подрабатывал
вечерами, играя на аккордеоне в ресторанчике "Восторг".

"Кино-эскиз" - так обозначено в подзаголовке.

Утром в служебном кабинете Филатов ведет допрос. В следующем
эпизоде
время и место действия меняются. Вечер. Ресторан "Восторг".
Переменились и
роли. Теперь хозяин положения тот, кого допрашивали. Он и заказывает
музыку.

Обычный фельетон. Есть факт. Есть его литературная обработка.
И урок
имеется: представитель советского правосудия, согласившийся на
подобное
совместительство, может поставить себя в унижительное положение.

Но 13 ноября 1926 года суд рассмотрел "уголовное дело No
683 по
обвинению гр-на Голикова Аркадия Петровича, 22 лет, проживающего в
гор.
Перми, женатого, имущественного положения бедного, в
преступлении,
предусмотренном ст. ст. 173 и 175 Угол. Код. ".

Судья Лифанов начинает зачитывать приговор.

"- ...Данными судебного следствия установлено, что фельетон
"Шумит
ночной Марсель"... дает правильное освещение факта недопустимости
совмещения
работы следователя с игрой в ресторане "Восторг", и читателям этот

факт дан
для оценки с точки зрения общественности, по мнению суда, верно,
а в
отношении нанесения оскорбления следователю Филатову ни на чем не
основано.
Таким образом суд считает деяния гражданина Голикова по статье 175
УК не
доказанными..."

Судья продолжал чтение:

"- ...по статье 173 УК он, Голиков, изобличается вполне.

Исходя из
изложенного..., приговорил гражданина Голикова Аркадия
Петровича...
подвергнуть лишению свободы сроком на одну неделю... Суд,
приняв во
внимание, что Голиков социально опасным для общества не является...,
считает
возможным наказание Голикову смягчить, заменив лишение свободы
общественным
порицанием на общем собрании сотрудников редакции "Звезда"...
Меру
пресечения Голикову избрать подписку о невыезде..."

В те дни шумел не "ночной Марсель" - Пермь шумела.

- Неужели все-таки удалось упечь в тюрьму этого резвого
фельетониста?

- Неужели наш суд осудил Гайдара?

5 апреля 1927 года в "Правде" появилась статья "Преступление
Гайдара".

"Форма фельетона не понравилась, - говорится в статье. -

Выходит, что
фельетонную форму произведений надо изгнать из газеты. Но под
силу ли
сделать это нарсуду 2-го участка г. Перми? Нет и нет... Рабочий-
читатель
знает, что партия и Советская власть на газету смотрят не так, как
нарсуд
2-го участка г. Перми... "Преступление" Гайдара рабочим читателем
воспринято

как его заслуга. Читатель толкает Гайдара на новые такие преступления..."

Пермь Гайдар вспоминал с любовью. Сберегал дружбу, переписывался со многими "звездинцами", в частности с Борисом Никандровичем Назаровским.

"Здравствуй, Борис!

...За эти два года - что мы не видались - постарел я также ровно на два года... Много за это время я ездил по Северу, а теперь вот уже полгода, как живу в Москве. Не работаю пока в газете нигде, но скоро буду работать - потому что долго без газеты скучно. За это время в ГИЗе у меня вышла повесть "Школа"...

Лиля жива и здорова, работает редактором радиопионерской газеты. Тимур - нигде не работает - все больше бегаёт, загорает и задает вопросы приблизительно такого рода: "Что такое батарея?" - "А это вот одна пушка, да еще другая пушка, да еще пушка, вот тебе и батарея". - "А почему лес - не деревья, а лес?" - "А это одно дерево - значит дерево, а другое дерево, да третье дерево, да еще деревья - вот тебе и лес". (Пауза.) "А если батареи с лесом сложить (???), что тогда получится?"...

Боренька! У меня к тебе огромная просьба исключительной важности... Здесь одно очень почтенное издательство должно в срочном порядке издать мою повесть ("Лбовщина", переработанная вместе с "Давыдовщиной"). Но вот вся беда - у меня нет ни рукописи, ни одного экземпляра "Лбовщины" ("Давыдовщина" есть)... Может быть, ты достанешь в Перми и пришлешь

мне эту
книжку. Может быть, у тебя остался экземпляр...

Если бы я не знал, что ты добр, как Христос и Магомет вместе
взятые, я
был бы уверен, что, прочтя сии строки, ты злорадно сказал бы: "Ага,
сукин
кот, то не писал, не писал, а то как понадобилась книга, сразу
нашел
время... Так вот, пусть..."

Но остерегись, Борис, так поступать. Ибо, как ты человек,
изучавший
диалектику и философию, должен помнить слова св. Нафанаила-постника,
который
писал о царе Егудииле: "Всуе сей человек к Господу возводит очи,
моля -
Господи даждь мне - ибо очерствело сердце его (Егудиила)
многажды
проклинаемое всяк день всуе просящими его".

Под письмом дата: 1/IX 1930".

В письме нужно пояснить некоторые места.

"Много... ездил по Северу": с декабря 1928-го по февраль
1930-го
Аркадий Гайдар работал в архангельской газете "Волна" ("Правда
Севера").

Разговор об артиллерийской батарее не случаен. Полигон
находился в
Кунцеве, неподалеку от дома, где мы снимали комнату. Миновал
лесок,
перебравшись за овраги, можно было наблюдать с пригорка из-за
цепей
охранения за учебными стрельбами. Напомню, что именно в Кунцеве
Аркадий
Гайдар написал рассказ "Четвертый блиндаж" о попавших
случайно под
артиллерийский обстрел ребятах.

Книга, о которой идет речь, пришла из Перми
незамедлительно -
тоненькая, очень похожая и форматом и зеленоватой бумажной

обложкой на школьную тетрадь. Называется она "Жизнь ни во что", а "Лбовщина" стоит как подзаголовок. Отдельным изданием повесть вышла в Перми тиражом 8 тысяч, мгновенно была раскуплена, но Б. Назаровский все же достал книжечку для автора.

Самое важное, однако, что "одно очень почтенное издательство", собиравшееся, как писал Аркадий Гайдар, "в срочном порядке издать" "Лбовщину", переработанную вместе с "Давыдовщиной", свое намерение так и не осуществило. По той простейшей причине, что рукопись от автора не поступила.

Почему Аркадий Гайдар не представил ее в издательство? Попробуем догадаться.

"Эта повесть - памяти Александра Лбова, человека не знающего дороги в новое, но ненавидящего старое, недисциплинированного, невыдержанного, но смелого и гордого бунтовщика, вложившего всю ненависть в холодное дуло своего бессменного маузера, перед которым в течение долгого времени трепетали сторожевые собаки самодержавия..." - такие слова предпослал автор началу повести "Жизнь ни во что". Он писал ее быстро, каждая законченная глава сразу уходила в набор и номер за номером появлялась на страницах "Звезды".

Страстность вступительных слов, напряжение, с которым Аркадий Гайдар работал, показывают, что тема его увлекла, захватила. Даже что-то глубоко

личное чувствуется в этой увлеченности.

Может, всплыли в памяти рассказы родителей о 1905 году?

Может, сближали автора с героем повести какие-то черты характера?

Вспомним автобиографию: "Частенько я оступался, срывался, бывало даже своевольничал..."

Когда повесть вышла, журнал "Книгоноша" отозвался о ней одобрительно:

"Гайдар-Голиков обнаружил достаточно умения и революционного пафоса..."

Читается вещь легко и увлекательно... Язык повести образен, интересен...

После "В дни поражений и побед" "Жизнь ни во что" большая победа

Гайдара-Голикова".

Победа? Так ли это?

Творческий путь многих состоявшихся писателей - тяжелый, от книги к книге - подъем. Встретятся скальные обрывы, глубокие расщелины - может загрохотать камнями обвал. Одному удастся в начале пути, еще у подножия, наметить трассу, которая, если упорно работать, не сдаваться, не трусить, приведет в конце концов вопреки всем препятствиям к той горной вершине, что назначена ему судьбой и талантом. Другой не сразу найдет такой маршрут.

Чтобы понять путь Аркадия Голикова к Аркадию Гайдару, нужно вернуться к его первой повести, которую так единодушно и, если убрать грубость, вроде справедливо разругала критика. В книге "Аркадий Гайдар", одной из лучших об этом писателе, созданной уже в послевоенные годы, ее автор В. Смирнова пишет:

"Когда я сейчас вновь перечитала повесть, я увидела, что ей не хватало вкуса, общего замысла, цельности композиции. Поначалу она выливалась из массы собственных впечатлений и размышлений, а под конец - автор словно выдохся и свел все к "приключениям" героя".

О вкусе, композиции, массе впечатлений - совершенно согласен. Листаешь рукопись "В дни поражений и побед", особенно первые тетради, и даже по почерку видишь, как спешит перо, как рука не поспевает за памятью. И очень редко поиск слова притормозит руку.

Все, что составляет содержание первой части повести - осажденный белыми Киев, курсы краскомов, бои с бандами на подступах к городу, - все это с Аркадием Голиковым было и написано "как было". Но без силы литературы и без убедительности мемуаров. Однако сейчас, когда знакома и различима его интонация, не так уж трудно увидеть и на страницах первой повести проблески будущего гайдаровского мастерства. Они прорываются редко, фразой, абзацем, даже словечком, как вспышки маячного огня, который подсказывает кораблю место, помогает проложить курс. Чем дальше листаешь страницы, тем проблески чаще.

Вроде бы и не логично. Когда червонные казаки Примакова, пластуны Павлова, латышские стрелки выбили деникинцев из Харькова, автор повести лечился после ранения в Арзамасе. Когда войска командарма Уборевича освобождали Новороссийск, поезд, на котором Аркадий Голиков

ехал на
Кавказский фронт, находился еще в пути. Свидетелем событий,
описанных во
второй, "приключенческой" части повести "В дни поражений и побед",
автор не
был. Но именно в ней начинает звучать его гайдаровская интонация, и
впервые
обретают плоть и кровь нарисованные им люди: командир партизанского
отряда
матрос Сошников, рабочий человек Егор, крестьянин Силантий, Яшка,
который
"где только не шатался"...

Попал в засаду к белым, разоружен этот маленький отряд.

"Партизан отвели на несколько сот шагов как раз к самому берегу
моря.

- Прощайте, ребята! - сказал Егор.

И должно быть впервые разгладились морщины на его хмуром лице,
и он
улыбнулся.

- Прощайте! Знали мы, что делали, знаем, за что и отвечаем.

Треснул залп. Крикнуло эхо. Испуганные взметнулись чайки. Упали
люди.

- Готовы!

- Следующие...

По щекам у Яшки катились слезы. Его старая чиновничья
фуражка с
выцветшим околышем и кривобокой звездой съехала набок. Рубаха
была
разорвана. Он хотел что-то сказать, но не мог.

Остальные замерли как-то безучастно. Только Силантий, сняв шапку,
стоял
спокойно, уставившись куда-то мимо прицеливающихся в него солдат, и
тихо
молился.

- Господи! - шептал он. - Пошли на землю спокойствие... и чтоб
во всех
краях, какие только ни есть, товарищева сила была... И не оставь
Нюрку!"

Обратим внимание - появились любимые писателем имена. Они воскреснут в других его книгах.

Но имена - это деталь. Важнее звучание прозы, ритмика фраз. Их простота и скупость. Ни особых эпитетов. Ни ярких сравнений. Только треск выстрелов и крики испуганных чаек...

И вспомним, что автору повести не то девятнадцать, не то двадцать лет. И пройдет немало времени, прежде чем по сценарию Вишневого начнут снимать замечательный фильм "Мы из Кронштадта".

Путь Аркадия Голикова к Аркадию Гайдари и путь Аркадия Гайдара к его горным вершинам лежал не через одобренную критикой "Жизнь ни во что". Он проходил по страницам "В дни поражений и побед", по страничкам синеньких тетрадок, так до сих пор и не расшифрованных "Последних туч", выводя к "Р.В.С.", с которой, собственно говоря, вошел в литературу и в ней остался писатель Аркадий Гайдар.

Не случайно тогда, в Ленинграде, весной 1925 года они лежали на столе рядом: стопочка книг "Ковша", тетрадки с незаконченными "Последними тучами", рукопись маленькой повести "Р.В.С.", в которой Аркадий Гайдар только что дописал последнее слово.

Может быть, раскурив трубку, чтобы сбить неизбежное возбуждение, он еще раз перелистал "Ковш", где рядом с окончанием "В дни поражений и побед" были напечатаны стихи Пастернака:

Пространство спит, влюбленное в пространство,

И город грезит, по уши в воде,
И море просьб, забывшихся и страстных,
Спросонья плещет, неизвестно где...

Впрочем, может, такого и не было. Слишком уж литературно звучит предположение. Но, во всяком случае, тогда он, разом, рывком уехал из Ленинграда, где, судя по письмам к сестре, собирался обосноваться надолго.

И дело, наверное, не только в том, что был он влюблен в пространство. Он словно почувствовал, что, хотя за плечами уже немало, предстоит еще пройти много дорог, грустить и радоваться, побеждать и терпеть поражения, отчаянно работать, чтобы потом легли на бумагу такие простые, ясные и тихие строчки: "Городок наш Арзамас был тихий, весь в садах, огороженных ветхими заборами..."

Когда в 1930 году в Кунцево из Перми пришла от Б. Назаровского книжка "Жизнь ни во что", Аркадий Гайдар, автор "Школы", не стал перерабатывать ее вместе с "Давыдовщиной". Все это было уже позади и далеко.

Мне кажется, что отца я увидел сразу, ясно и отчетливо, увидел и запомнил всего, от сапог до папахи, именно таким, каким он и остался для меня на всю жизнь.

Высокий, сильный, добрый, улыбчивый, справедливый, смелый. Вокруг него всегда возникала радостная атмосфера игры, сказки, приключения. Она захватывала и меня, и ребят со двора, и всю ребятню по соседству.

В дождливый день он уводил ребят в ближний лесок. "Кто сумеет правильно разложить костер и разжечь его с одной спички?"

Своим маленьким друзьям он делал иногда настоящие мужские подарки, вещи, которые с удовольствием покупал и для себя: компас со светящимся циферблатом, перочинный нож с несколькими лезвиями.

Учил обращаться с оружием. Не мог равнодушно пройти мимо тира. Отлично стрелял сам и насыпал ребятишкам свинцовые пульки для духового ружья, после которых ладони оставались восхитительно черными.

Но все это не значит, что Аркадий Гайдар был с детьми неизменно добр, неизменно щедр и ласков. Он мог быть строгим, суровым и даже, что было еще хуже, уничтожительно-насмешливым. Терпеть не мог трусов, хвастунов, ябед.

Он проверял на смелость. Мог сказать на прогулке, когда уже темнело:

"Иди, пожалуйста, до конца оврага один. Не боишься? Ну вот, и хорошо. Я подойду через семнадцать минут".

Никогда не торопился отказать в какой-нибудь мальчишеской просьбе.

Подумает, прикинет. "Да, можно". Но если уж "нет", значит, излишни и просто

невозможны какие-то разговоры. Было у нас Слово. Не "честное слово", не

"честное-пречестное", а просто - Слово. Свои обещания он выполнял свято, но

и ты попробуй не выполни...

Александр Фадеев отмечал демократизм Аркадия Гайдара, указывая, что

герои его книг - дети солдата, стрелочника, крестьянина... Так оно и есть,

конечно. Но думаю, что его демократизм состоял еще и в неподдельном

уважении

достоинства каждого человека, взрослый он или маленький.

Из дневников: "Пятилетний Анатолий Федорович очень со мной дружит",

"Запомнился пионер Колесников - угловатые плечи, жест - рукой к земле.

Говорил крепко и хорошо". Рядом: "Неважное выступление красного командира".

Не только ребят, но и своих товарищей втягивал Аркадий Гайдар в игру

или в веселый розыгрыш.

Константин Паустовский вспоминает:

"Гайдар любил идти на пари. Однажды он приехал в Солотчу ранней осенью.

Стояла затяжная засуха, земля потрескалась, раньше времени ссыхались и

облетали листья с деревьев...

Ни о какой рыбной ловле не могло быть и речи. На то, чтобы накопать

жалкий десяток червей, надо было потратить несколько часов.

Все были огорчены. Гайдар огорчился больше всех, но тут же пошел с нами

на пари, что завтра утром он достанет сколько угодно червей - не меньше трех

консервных банок.

Мы охотно согласились на это пари, хотя с нашей стороны это было

неблагодарно, так как мы знали, что Гайдар наверняка проиграет.

Наутро Гайдар пришел к нам в сад, в баньку, где мы жили в то лето. Мы

только что собирались пить чай. Гайдар молча, сжав губы, поставил на стол

рядом с сахарницей четыре банки великолепных червей, но не выдержав,

рассмеялся, схватил меня за руку и потащил через всю усадьбу к воротам на

улицу. На воротах был прибит огромный плакат:

СКУПКА ЧЕРВЕЙ ОТ НАСЕЛЕНИЯ

Этот плакат Гайдар повесил поздним вечером..."

К воспоминаниям Константина Георгиевича можно добавить и неопубликованную часть его рассказа.

Вскоре возле дома, к которому в обмен на рыболовные крючки ребята таскали банки с червями, появился милиционер. Прочитал плакат. "Так писать нельзя! Скупкой у населения могут заниматься представители организаций.

Придется снять", - сказал он. "А как можно?" Милиционер задумался.

"Ну, если бы срочно куплю червей, тогда, пожалуй, можно. И то через контору горсправки..." - "Так что, снимать?" - "Червей-то у вас теперь хватит?" -

"Вроде хватит". - "Если хватит, снимайте!"

В поведении Аркадия Гайдара была та свобода, раскованность и нестандартность поступков, которые нередко ставили людей в тупик.

Хорошим весенним днем он шел по московскому бульвару, опять при деньгах и в отличном настроении. Увидел продавца воздушных шаров, купил сначала один шарик, а потом, подумав, всю связку: "Ребят во дворе много, пусть наперегонки, то-то будет праздник".

Но если по бульвару идет человек с пестрой кучей воздушных шариков, за кого его примут прохожие?

- Почем шарики?
- Не продаются.
- Мне голубой, пожалуйста.
- Не продаются.
- Шары почем, гражданин?

Долго так, естественно, продолжаться не могло. Симпатичным покупателям
Аркадий Гайдар начал раздавать шары бесплатно. Несимпатичным отказывал.

Позвали милиционера...

Милым лукавством пронизано письмо, отправленное Аркадием Гайдаром
Ермилову в редакцию журнала "Красная новь".

"Дорогой т. Ермилов. Я вчера написал письмо т. Вармуту с просьбой
одиннадцатого февраля прислать еще денег, а ночью увидел очень плохой сон,
будто бы 11-го не прислали, а потому, пожалуйста, посоветуй ему 11-го не
присылать, а прислать лучше 6-го февраля.

И если вы пришлете 6-го февраля, то я даю Тимур-Гайдаровское слово, что
как только устроюсь, сейчас же допишу рассказ на один печатный лист... и
пришлю вам.

Рассказ будет, по-моему, очень славный - я уже его читал кое-кому еще в
Москве.

Если же не пришлете, то рассказ, вероятно, хорошим не получится, потому
что по замыслу он должен быть очень простой и светлый. А у меня с горя в
голове будет все время вертеться разное... и рассказ получится какой-то...

Жизнь здесь, вероятно, у меня будет очень хорошая. Но пока печники
разломали печку, плотники разворотили стену - всем нужны деньги. А тут еще
моя дочка Светланка по прозвищу Рыжик-Фижик наелась снега и во время
болезни разбила мой новый фотоаппарат. Но все это, конечно, мелочи жизни, а
сама жизнь, куда как везде прекрасна. И Нюра вчера мне на обед

сготовила в русской печке такой пирог с гречневой кашей, с луком и печенкой, что если бы его поставили перед тобой, ты тотчас же востребовал бы целый литр. Я же обошелся и половинкой.

Дорогой т. Ермилов! Как только получишь это письмо, так сейчас же постучи в стенку или высунься и позови т. Вармута. Когда он войдет, ты попроси его, чтобы он сел. Сначала скажи ему что-нибудь приятное. Ну например: "Эх, и молодец ты у меня Вармут", или еще что-нибудь такое, - а когда он подobreет, ты тогда осторожно приступи к разговору насчет 6 февраля.

Если он сразу согласится, то ты его похвали, и скажи, что ничего другого от него и не ожидал. А если же он сразу начнет матом - то ты не пугайся, а выслушай до конца. А потом кротко загляни ему в глаза и проникновенно спроси: "Есть ли у него совесть?"

От такого неожиданного вопроса кто хочешь смутится. А ты дальше, больше, продолжай, продолжай, и все этак диалектически, диалектически, и тогда он раскается и, схватившись за голову, стремительно помчится в бухгалтерию.

Пока всем вам всего хорошего. Очень только прошу не понять, якобы я только пошутил. Деньги мне в самом деле нужны, так крепко, как никогда..."

Наверное, некоторый особый отблеск бросает на это веселое, озорное письмо то обстоятельство, что рассказ, о котором идет в нем речь, -

"Голубая
чашка".

К деньгам Аркадий Гайдар относился своеобразно. "Этак
диалектически,
диалектически".

Как все люди, радовался, если они есть, огорчился, когда их не
хватало.

Любил, чтобы сапоги были крепкие, белье чистым, гимнастерка
сшита из
коверкота. Чувствовал себя веселее и увереннее, когда знал, что
может
отправиться на вокзал и купить билет до самого дальнего города.

Вопросы о мебели, даче, каких-либо других "солидных
приобретениях" не
возникали. Но деньги, едва появившись, начинали, как Аркадий Гайдар
однажды

выразился, "бунтовать в его кармане". Они требовали немедленных
действий. Не

мог пройти мимо инструментальных, хозяйственных лавок. Покупал
сверла,
стамески, усовершенствованные мясорубки и хлебoreзки. Все это ему
нравилось,

но не требовалось. Покупки отправлялись друзьям в подарок.

Легко ссужал приятелей деньгами, никогда не напоминал о возврате.
Любил

угостить друзей, а то и незнакомых.

Много ездил, однако по-настоящему хорошо себя чувствовал в
родных
местах.

"...Скучаю уже я по России. Где мой пруд? Где мой луг? "Гей вы,
цветики

мои, цветики степные!" Всех я хороших людей люблю на всем свете.

Восхищаюсь

чужими долинами, цветущими садами, синими морями, горами, скалами и
утесами.

Но на вершине Казбека мне делать нечего - залез, посмотрел,
ахнул,
преклонился, и потянуло опять к себе, в нижегородскую или рязанскую".

Любил хорошие песни. Помню, разбудил меня ночью, чтобы спеть новую, только что услышанную:

По военной дороге
Шел в борьбе и тревоге
Боевой восемнадцатый год...

Часто пел "Гори, гори, моя звезда...", и мне всегда казалось, что думает он о красноармейской звездочке.

Был по привычкам солдат, но, как все люди, тянулся к теплоте человеческого житью.

"В сущности, у меня есть только - три пары белья, вещевого мешок, полевая сумка. Полушубок - папаха - и больше ничего и никого, ни дома, ни места, ни друзей.

И это в то время, когда я вовсе не бедный, и вовсе уже никак не отверженный и никому не нужный.

Просто - как-то так выходит".

И не подумайте, пожалуйста, что был он несчастлив, таил в себе какую-то беду или обиду. Несчастливые люди не пишут такие книги, какие написал он, и уж, конечно, не совершают веселые и даже озорные поступки.

Как многие физически и духовно сильные люди, он был добр. Как почти все добрые - легко раним. Не боялся боли, холода, жажды. Но совершенно не мог выносить грубость, хамство. Тогда - срывался. Тогда темнели глаза, начинал подергиваться левый уголок губы. Тогда он мог быть даже опасен.

Это теперь звучит красиво, романтично: в пятнадцать командовал взводом, в семнадцать стал командиром полка. Но стоит задуматься, какая

тяжесть
ложилась на плечи такого командира.

Когда Аркадий Гайдар стал командиром, за ним, отдающим приказ, посылающим людей в бой, может быть, и на гибель, стоял еще зачастую не суровый Дисциплинарный устав, а лишь личный авторитет. Каково завоевать и удержать такой авторитет командиру, если многие из бойцов годятся ему в отцы?

Он хорошо знал войну, ее кровь, ее пот, ее жестокость. Но это была война за правое дело, и он любил свою боевую молодость, "очень дымное, тревожно-счастливое время".

Летом 1931 года Аркадий Гайдар закончил в Крыму в Артеке повесть "Дальние страны". Потом уехал в Хабаровск в газету "Тихоокеанская звезда".

Снова увлечен журналистской работой: очерки, фельетоны, корреспонденции... Побывал на Имане, на границе с Маньчжурией, на заледеневшем озере Ханка. Выходил на судне "Совет" в Японское море.

Поднимался пешком на перевал Сихоте-Алинь.

Уже через три месяца после приезда на Дальний Восток задумал новую повесть. Дневник Аркадия Гайдара помогает проследить, как она создавалась.

"Надо собраться и написать для "Молодой гвардии" книгу. Крым, Владивосток. Тимур, Лиля - все это связать в один узел, все это перечувствовать еще раз, но книгу написать совсем о другом".

"...Только сегодня начинаю писать эту книгу. Она вся у меня в

голове, и
через месяц я ее окончу... Это будет повесть. А назову
я ее
"Мальчиш-Кибальчиш".

"...Было написано 25 страниц, и все шло хорошо... А когда
перечитал, то
зачеркнул все, сел и снова написал всего 9 страниц - стало гораздо
лучше. Но
сначала зачеркивать было жаль, и зачеркивал, скрепя сердце".

"Стоят светлые солнечные дни. Может быть, оттого, что именно в
эти дни
- ровно год тому назад - я был в Крыму, мне легко писать эту
теплую и
хорошую повесть.

Но никто не знает, как мне жаль Альку. Как мне до боли жаль,
что он в
конце книги погибнет. И я ничего не могу изменить..."

"...Неожиданно, но совершенно ясно понял, что повесть моя
должна
называться не "Мальчиш-Кибальчиш", а "Военная тайна". Мальчиш -
остается
мальчишем - но упор надо делать не на него, а на "Военную тайну", -
которая
вовсе не тайна".

"К своему глубокому огорчению, перечитав впервые все то, что
мною уже
написано, я совершенно неожиданно увидел, что повесть "Военная тайна"
никуда
не годится. И надо переделывать все с самого начала".

Выступая на первом съезде советских писателей, Алексей Толстой
произнес
фразу:

"Язык готовых выражений, штампов, какими пользуются не
творческие
писатели, тем и плох, что в нем утрачено ощущение движения, жеста,
образа".

Странное это словосочетание "не творческие писатели" он обронил
легко,

без нажима, упомянул, как понятие реально существующее и потому - естественное. Зал даже не успел отреагировать. Лишь кто-то закашлялся.

Если же говорить о писателях как о таковых, то для них как раз очень характерны те чувства, которые то и дело прорываются в записях Аркадия Гайдара, посвященных "Военной тайне": "неожиданно понял...", "совершенно неожиданно увидел", "мне до боли жаль... и я ничего не могу изменить..."

Родился под пером писателя человек, и вдруг он сам порой неожиданно для автора начинает совершать какие-то поступки, сам определяет свою судьбу.

Характерны и жестокие сомнения, которые набегая отступают, как приливы и отливы.

"Насчет "Военной тайны" - это все паника. И откуда это я выдумал, что повесть "никуда не годится" - хорошая повесть".

В дальневосточных дневниках Аркадия Гайдара слышатся удары сердца, то учащенные, то спокойные, когда, занимаясь писательским делом, он все завязывал в один узел, все перечувствовал заново и писал совсем о другом.

Это - в большом и в малом.

В дневнике: "За последние дни в Хабаровске спокойнее. Немного улеглись толки о возможности войны. А все-таки тревожно... С Японией - напряженно - но то ли привыкли - никто не ахает".

В повести "Военная тайна": "В ту светлую осень крепко пахло грозами, войнами и цементом новостроек... Газет не хватало. Пропуская привычные сводки и цифры, отчеты, внимательно вчитывались в те строки, где

говорилося
о тяжелых военных тучах, о раскатах орудийных взрывов, которые слышались все яснее и яснее у одной из далеких-далеких границ".

В дневнике: "На днях умер один из лучших и храбрейших командиров Красной Армии комкор Ст. Вострецов".

Появилась на страницах "Военной тайны" пионерка Катюша Вострецова...

Снова перечитав повесть, думаю, что все-таки напрасно Аркадий Гайдар согласился напечатать "Сказку о Мальчише-Кибальчише" отдельно, еще задолго до того, как была закончена "Военная тайна".

В повесть сказка входит органично. Она - ее песня. Ее балладный стиль подготовлен всем, что сказано раньше, и бросает свой отсвет на все, что случилось позднее.

...Нынешней осенью я вновь поднялся на скалу над Артеком. Лежавший под ногами пионерский лагерь был тих и безлюден. Летние смены закончились, ребята из первой зимней еще не приехали. Трава пожелтела, приникла к каменистой земле. Ветер, который внизу едва рябил море, здесь на вершине дул резко, порывисто.

Тревожно и печально было мне стоять на том самом месте, где слепящим солнечным днем полсотни с лишним лет назад любовались мы с отцом морем, такие дружные и веселые. На этой скале, как сказано в "Военной тайне", вырвали остатками динамита крепкую Алькину могилу.

Многоэтажные здания теснились под Аю-Дагом. Бетонная горизонталь новой главной костровой площадки придавила холм. Поблескивали стеклянные

здания
огромного плавательного бассейна. Но по-прежнему пил воду из Моря Аю-Даг, и
можно было различить убегавшие к берегу извилистые тропинки. Артек был
рядом
и далеко - вот так, наверное, видел Аркадий Гайдар его из Хабаровска,
когда
писал "Военную тайну".

Справа над поляной чуть покачивали вершинами гибкие кипарисы.
Наверное,
на этой поляне фантазер Владик говорил приятелям, что хорошо бы
взобраться
на самую высокую гору, чтобы вовремя предупредить о нападении врага.

"- Я бы стоял с винтовкой, ты бы смотрел в подзорную трубу, а
Толька
сидел бы возле радиопередатчика. И чуть что - нажал ключ, и сразу
искры,
искры... Тревога!.. тревога!.. Вставайте, товарищи!.. Тогда разом
повсюду
загудят гудки - паровозы, пароходы, сверкнут прожектора. Летчики
- к
самолетам. Кавалеристы - к коням. Пехотинцы - в поход...
Спокойней,
товарищи! Нам не страшно!"

Страницы повести, детские полустершиеся воспоминания, старые
тропинки,
и то, что было прожито и пережито после, - все это странно
переплеталось в
единое целое.

Со скалы виден белый нарядный дом. Теперь в нем методическая
библиотека
лагеря, музей, зал для совещаний. А когда-то был дом отдыха ВЦИК,
и на
пионерский костер - это в повести - пришли шефы Артека, старые
большевики, а
среди них друг отца Альки в гражданскую - комиссар дивизии,
чернобородый
Гитаевич.

Прежняя костровая площадка - это в жизни - со скалы не просматривается. Зато с вершины десятилетий можно было увидеть судьбу героев повести. И самых старших и самых маленьких. Всех, кто присутствовал на том пионерском костре.

"Гром барабанов и гул музыки... Это проходили лагерные военизированные отряды пионеров. Сначала с лучшими стрелками впереди прошла пехота. Шаг в шаг, точно не касаясь земли, прошли матросы-ворошиловцы. За ними - девочки-санитарки...

Музыканты ударили "Марш Буденного"... В отрою, по четыре, на колесных и игрушечных конях выехал "Первый сводный октябрятский эскадрон имени мировой революции".

Нетрудно прикинуть: бойцам "сводного октябрятского" по восемь-девять лет. Значит, к лету 1941-го им стало по восемнадцать-девятнадцать...

Стоя на скале, вспомнил я и то письмо, которое Аркадий Гайдар послал из Кунцева в Пермь Борису Назаровскому. И только тут сообразил, что вопрос был не так уж прост, потому что "если батареи с лесом сложить", то как раз и получится закрытая артиллерийская позиция.

Может, на такой позиции стояли орудия полка резерва главного командования, которые прикрывали огнем в августе 1941 года отход батальона Прудникова за речку Ирпень...

Весной 1939 года Аркадий Гайдар жил в Доме творчества писателей в Ялте.

Он тогда был весел и спокоен. Пришла телеграмма, что его повесть

"Судьба барабанщика" все же пошла в печать. Ее первые главы начали публиковаться еще в ноябре 1938 года в "Пионерской правде". Но однажды, хотя внизу, как обычно, стояло "продолжение следует", повесть исчезла с газетных страниц и больше в "Пионерской правде" не появлялась. Приостановил работу над изданием книги и Детгиз.

Теперь, после Указа о награждении группы писателей орденами, в котором стояла и фамилия Гайдара, "Судьба барабанщика" готовилась к печати в журнале "Красная новь".

Аркадий Гайдар начал писать "Судьбу барабанщика", повесть, как он сам сказал, "не о войне, но о делах суровых и опасных - не меньше, чем сама война", весной 1937 года. Заканчивал в январе 1938 года в деревне Головково, примерно в сотне километров от Москвы, в избушке, хозяйку которой звали тетя Таня.

Домик был маленький, вышагивать по нему было трудно, и, накинув шинель, Гайдар ходил по заледеневшему шоссе, вдоль которого протянулась деревня. За огородами лежало белое поле, и чернел вдалеке лес.

Приближаться к Аркадию Гайдару в такое время не следовало. Но издали было видно, что он сначала хмурился, потом улыбался. Быстрым, решительным шагом возвращался в избушку, садился за стол. Впрочем, случилось, что он не выходил из дома подолгу, часами сидел, склонившись над рукописью.

Вечерами, иногда, читал вслух законченную главу. Читал, как правило, на память, лишь изредка заглядывая в тетрадку, да и то, чтобы

вычеркнуть
неудачное или лишнее слово.

Читал Аркадий Гайдар хорошо. Не декламировал. Не старался подчеркнуть голосом удачное место. Шутка ли в тексте, или вдруг вспыхнут пронизывающие душу серьезные и веские слова, - голос чуть-чуть глуховатый оставался ровным, вроде даже отстраненным. Лишь едва заметно менялась его окраска.

У многих в памяти отрывок из "Судьбы барабанщика", не раз в статьях о творчестве Аркадия Гайдара цитировавшийся, и все же, если мы размышляем об этом человеке, нужно еще раз вернуться к тому месту в повести, где сын просит отца, бывшего командира Красной Армии, спеть солдатскую песню. ...Отец поет "Горные вершины" на слова Лермонтова.

"- Папа! - сказал я, когда последний отзвук его голоса тихо замер над прекрасной рекой Истрой. - Это хорошая песня, но ведь это же не солдатская.

Он нахмурился:

- Как не солдатская? Ну, вот: это горы. Сумерки. Идет отряд. Он устал, идти трудно. За плечами выкладка шестьдесят фунтов... винтовка, патроны. А на перевале белые. "Погодите, - говорит командир, - еще немного, пройдем, собьем... тогда и отдохнем... Кто до утра, а кто и навеки..." Как не солдатская? Очень даже солдатская!"

Похоже, что, когда Аркадий Гайдар писал эти слова, перед глазами его вновь поднялась островерхая скала у станицы Ширвинская. Мимо скалы шагали в горы красноармейцы 2-го батальона 302-го стрелкового полка. Они должны были

подняться к Тубинскому перевалу, сбить вражеский заслон и удерживать перевал до подхода подкреплений...

Год спустя, в июле 1940-го, он написал Фраерману!

"Дорогой Рувчик - мне исполнилось 36 лет (5 месяцев). Из чего они складываются?

1. Рождение.
2. Воспитанье.
3. Воеванье.
4. Писанье.

Раздели 36 на 4, и жизнь моя будет перед тобой как на ладони, за исключением того темного времени, когда я задолжал тебе 250 рублей денег".

"Воеванье", как мы знаем, Аркадию Гайдару вскоре предстояло продолжить.

Что же касается "писанья", то нет у него ни одной повести, ни одного рассказа, в которых не появились бы командир, красноармеец. Те, что еще в строю, или которые уже свое отслужили, отвоевали. И всегда, хотя бы эхом грома дальних батарей, военным эшелонам, промчавшимся мимо окон пассажирского поезда, или часовым на посту, но всегда и непременно присутствует в его книгах Красная Армия. И "нет для него ничего святей знамен Красной Армии, и поэтому все, что ни есть на свете хорошего, это у него - солдатское".

Новый, 1940 год Аркадий Гайдар встречал с преподавателями и студентами Московского библиотечного института.

Праздник уже пошел на убыль. Уже и посидели за столами, и танцевали, и

пели, и читали стихи. Выбегали во двор смотреть, как светится небо над Москвой. Играли в снежки. Отогревались в аудитории.

- Скажите, Аркадий Петрович, как воспитывать у ребят ненависть к врагам? - спросил кто-то из преподавателей. - Дети и... ненависть. Ведь это не просто.

- Совсем не просто, - согласился Гайдар. - А зачем вам воспитывать ненависть? Воспитывайте любовь к родине. Пусть она будет большой, настоящей, искренней. И тогда, если кто-нибудь посягнет на родину, родится у человека великая и праведная ненависть. Такая вот, по-моему, диалектика...

Ненависть к врагам у Аркадия Гайдара была велика, потому что любовь к людям, к жизни, к Советской стране переполняла его сердце, прорываясь порой, как в письме к Б. Ивантеру, почти мальчишеским ликованием: "Да здравствуют всякие земли, народы, планеты, звезды, реки и вся наша интересная судьба".

Но к тому времени, когда мы так весело встречали новый, 1940 год, в его дневниках и письмах все отчетливее звучала иная нота.

"Тревожно на свете, и добром дело, видать, не кончится".

"Нервы в руки. Не распускаться. Смеяться. Работать".

"Сегодня начал "Дункан", повесть.

Война гремит по земле. Нет больше Норвегии, Голландии. Дании, Люксембурга, Бельгии. Германцы наступают на Париж. Италия на днях вступила в войну".

Дункан - так поначалу назвал он главного героя повести "Тимур и его команда". Почему он вскоре переименовал это имя, сказать трудно.

Тимур Гараев - образ собирательный. Можно сказать, что

в нем

соединились черты героев предыдущих гайдаровских книг в их развитии.

Весной 1941 года в доме кинорежиссера Л.В.Кулешова были гости.

Хозяин

придумал игру: каждый должен был назвать несколько своих
пристрастий или

увлечений, ответить на вопрос: "Что ты любишь больше всего?" На
листочке

бумаги Аркадий Гайдар написал:

"Путешествовать вдвоем.

Чтобы считали командиром.

Быстро передвигаться.

Остричь с людьми без вреда для них.

Тайную любовь к женщине (свою, чтобы объект не знал).

Не люблю быть один (не - одиночество)".

Вспомним повесть "Тимур и его команда". Заседание штаба,
приказы

Тимура, его отношение к Жене, мотоцикл, который мчится через ночь,
чтобы

Женя могла увидеть своего приехавшего на несколько часов с фронта
отца...

Почти на каждую строчку перечня привязанностей Аркадия Гайдара
повесть

откликается эхом, то прямым, то отраженным.

Ну, конечно же, герой повести "Тимур и его команда" - прежде
всего сам

Аркадий Гайдар.

На второй день войны Аркадий Гайдар получил задание:
написать

киносценарий "Клятва Тимура". Срок - 15 дней.

Никогда, даже в Перми, он не работал так быстро. Страница за
страницей

шел чистый текст, и режиссер Кулешов сразу же набрасывал
режиссерский план

фильма.

"- Я клянусь тебе своей честью старого и седого командира, что еще тогда, когда ты была совсем крошкой, этого врага мы уже знали, к смертному бою с ним готовились. Дали слово победить. И теперь свое слово мы выполним",
- говорит в сценарии полковник Александров своей дочери Жене, отправляясь на фронт.

В 1941 году Аркадию Гайдару исполнилось 37 лет. В светлых легких волосах даже не угадывалась седина. Но за каждым словом полковника Александрова, придавая им убедительность, стоят жизнь, опыт, думы, тревоги Аркадия Гайдара.

Как писатель Аркадий Гайдар ощущал приближение военной грозы с особой силой. Он знал, что война предстоит долгая, кровавая, и чувствовал личную ответственность за то, чтобы наша молодежь была готова к грядущим испытаниям.

Вместо 15 дней, как просил Комитет по делам кинематографии, Аркадий Гайдар написал "Клятву Тимура" за 12 дней. Помимо срочности заказа, его торопило желание скорее уехать на фронт. 2 июля из Болшева отправил телеграмму в Союз писателей Александру Фадееву:

"Закончив оборонный сценарий, вернусь в Москву шестого. Не забудьте о моем письме, оставленном в секретариате".

Напоминание оказалось не лишним, и 14 июля Союз писателей обратился в Красногвардейский райвоенкомат Москвы:

"Тов.Гайдар (Голиков) Аркадий Петрович - орденосец, талантливый

писатель, участник гражданской войны, бывший командир полка, освобожденный от военного учета по болезни, в настоящее время чувствует себя вполне здоровым и хочет быть использованным в действующей армии.

Партбюро и оборонная комиссия Союза советских писателей поддерживает просьбу т. Гайдара (Голикова) о направлении его в медицинскую комиссию на переосвидетельствование".

К этому письму и своему заявлению Аркадий Гайдар приложил сохранившиеся у него документы времен гражданской войны. Но медкомиссия в призыве на действительную военную службу отказала. Однако Аркадий Гайдар, предчувствуя такой поворот дела, уже подготовил запасной вариант. Он знал, что все равно, любыми путями должен быть на фронте.

Сразу после возвращения из Болшева отправился в редакцию газеты "Комсомольская правда". Борис Сергеевич Бурков, бывший тогда заместителем редактора этой газеты, рассказывал потом, что Гайдар пришел озабоченным, признался, что опасается отрицательного заключения медкомиссии. Просил помочь отправиться в действующую армию.

"- Мы обрадовались, решив, что он будет очень нужен газете в качестве военного корреспондента. Договорились, что редакция через ЦК комсомола обратится в ГлавПур РККА. Уехал от нас Гайдар в хорошем настроении".

18 июля он получил пропуск Генштаба РККА в действующую армию.

19 июля "Пионерская правда" начала печатать "Клятву Тимура".

Через день Аркадий Гайдар уехал на Юго-Западный фронт в качестве корреспондента "Комсомольской правды". В военной форме, но с

пластмассовыми
пуговичками на гимнастике. Штатским.

Судьба сделала круг. Или, точнее, виток спирали.

Он ехал в город, где в 1919 году стал командиром, под стенами
которого
получил боевое крещение.

Утром 23 июля Аркадий Гайдар снова смотрел из окна пробитого
осколками
вагона на приближающийся Киев. Так же, как прежде, шумела
листвой
Владимирская горка. Неторопливо проступали из зелени белые здания. У
мостов
через Днепр стояли зенитные батареи. На левом берегу на прибрежном
песке
среди кустарников валялись обломки двух "Юнкерсов".

Линия обороны города проходила в 20-30 километрах западнее
Киева по
речке Ирпень, где части Киевского УР - укрепленного района -
остановили
моторизованные соединения врага.

Весь Юго-Западный фронт простирался примерно на 300
километров. По
"маршруту Ч-Ч" выезжали из Киева военные журналисты в полки и
дивизии
Юго-Западного фронта, занимавшего позиции от Чернигова до Черкасс.

Как большинство находившихся в городе корреспондентов
центральной
печати, Аркадий Гайдар поселился в гостинице "Континенталь".
Богатая
гостиница в центре города, где раньше останавливались все
приезжие
знаменитости, была полупуста. Из обслуживающего персонала остались
несколько
человек. Но работает коммутатор. Журналисты занимают номера на
третьем
этаже.

Каждый день, на рассвете, в комнатах третьего этажа
раздаются

настойчивые звонки: "Пора!" Дежурная телефонистка, выполняя наказ, будит корреспондентов. Вскоре камуфлированные "эмки" одна за другой отъезжают от круто взбирающейся в гору улицы Карла Маркса. Бригада "Комсомолки" отправлялась на фронт в грузовой полуторке.

В Киев возвращались вечером. Материал в Москву передавали по телефону около полуночи. Принимали душ. И, конечно же, сразу заснуть не могли.

...В высокой комнате с зеркалом, с бархатным пыльным диваном и креслами, окна которой прикрыты тяжелыми шторами, пропела и смолкла гитарная струна. Потом прозвучал первый аккорд...

Вчера на рассвете в предместьях Берлина
Последний взорвался снаряд.
Знакомыми тропами, мимо овина,
С войны возвращался солдат...

Поэт Александр Гуторович, корреспондент "Советской Украины". Песня о последнем дне войны написана им.

Поют Гайдар, Котов, Лясковский. Закончив диктовать материал, заходят корреспонденты других газет. Окрепла песня. Влились голоса Бориса Лапина и Захара Хацревина. Они большие друзья, соавторы многих книг, знатоки восточных языков. Оба - корреспонденты "Красной звезды".

Пришла еще одна неразлучная пара "краснозвездинцев": капитан Сергей Сапиго и политрук Александр Шуэр. Тихо вошел в комнату корреспондент Всесоюзного радио Евгений Барский.

Евгений Барский погибнет 11 августа 1941 года в танковой атаке

неподалеку от Канева. Он - первым. Потом из журналистов, которые в июле - сентябре 1941 года жили в "Континентале", погибли многие.

Захар Хацревин будет лежать на охапке сена возле дороги, по которой отступают наши войска, и, стирая с лица кровь, уговаривать Бориса Лапина оставить его одного. "Не говорите, пожалуйста, глупости", - ответит Лапин, держа в руке револьвер и прислушиваясь к приближавшимся очередям немецких автоматчиков.

Александр Шуэр погибнет 22 сентября 1941 года восточнее Борисполя, пытаясь пробиться с другими журналистами и работниками политотдела 37-й армии из окружения.

О том, как это произошло, сообщит в письме в "Красную звезду" капитан Сергей Сапиго. А сам, раненный, проберется по тылам фашистских войск в свою родную Полтаву, станет одним из организаторов комсомольской подпольной группы и 26 мая 1942 года его расстреляют фашисты. Письмо его в "Красную звезду" дойдет только через двадцать с лишним лет...

Засыпали поздно. А на рассвете - снова настойчивые телефонные звонки. И рычаг у подъезда "Континентала" автомобильные моторы.

Однажды ночью журналистов разбудили не телефонные звонки, а разрывы артиллерийских снарядов. Фашистские орудия вели огонь по Киеву с высот возле Голосеевского леса.

М.Котов и В.Лясковский вспоминают:

"Осколком снаряда отбило кусок вывески над самым входом в гостиницу...

Гайдар наклонился, поднял с земли стекляшку с золотистой буквой "т" и

в этой
напряженной, предутренной тишине вдруг произнес:

Немаловажная деталь -
Снаряд попал в "Континенталь".
Попал в гостиницу со свистом,
Куда податься журналистам?"

В эти дни штурма "Комсомольская правда" опубликовала первый
фронтвой
очерк Аркадия Гайдара "У переправы".

Конечно, сейчас, с картами и схемами, с книгами, посвященными
Киевской
оборонительной операции 1941 года, читаешь очерки Аркадия Гайдара
иначе, чем
той осенью, когда газета была как письмо с фронта.

Адрес первого фронтового очерка угадывать не приходится. Он
указан в
газете: 306-й Краснознаменный полк.

Этот полк входил в 62-ю стрелковую дивизию, сражавшуюся в
составе 5-й
армии в Коростеньском укрепленном районе. Армия держала активную
оборону,
наносила контрудары во фланг вражеских войск, прорвавшихся к реке
Ирпень.

Один из героев очерка, комбат Иван Николаевич Прудников,
потом
рассказывал, как в полк приехала бригада корреспондентов
"Комсомольской
правды", двое остались на КП командира полка, а Аркадий Гайдар пришел
к нему
во 2-й батальон. В атаку пошел с 6-й ротой. Добыл в бою трофейный
автомат.
Очень этим гордился.

Газета посвятила тогда 306-му полку целую полосу. Полк тогда
наступал.
И очерк Гайдара начинается с того, что батальон старшего
лейтенанта

Прудникова занял село. Но заканчивается отходом за речку Ирша.

Аркадий Гайдар предпочел не обрывать правду на факте. Он рисовал правду ситуации.

Очерк Аркадия Гайдара с южного фланга обороны Киева называется "У переднего края".

"У прохода через тяжелую, обшитую грубым тесом баррикаду милиционер проверил мой пропуск на выход из осажденного города.

Он посоветовал мне подъехать к передовой линии на попутной машине или повозке, но я отказался. День был хороший, и путь недалекий".

Куда именно вел этот путь, помогает установить упомянутый мельком в

очерке номер вражеской дивизии - 95-я. Значит, Аркадий Гайдар прошел по

улицам Зализнического района Киева, старой Соломенки, потом, пересекая

овраги, добрался до поселка Пирогово, где сейчас находится Музей народной

архитектуры и быта Украины. От стен города 95-я фашистская дивизия была

отброшена именно сюда. Тоже не очень далеко, конечно. Но все-таки не

Голосеевский лес.

Оборону здесь держала наша 284-я дивизия. Шла артиллерийская и

минометная дуэль.

"Грубые, скрепленные железными скобами бревна потолочного наката

вздрагивают. Через щели на плечи, за воротник сыплется сухая земля.

Телефонист поспешно накрывает каской миску с гречневой кашей, не переставая

громко кричать:

- Правей, ноль двадцать пятью снарядами!"

Позже, когда очерк появился в газете, кто-то из коллег

засомневался:

- Аркадий! Ну при чем тут гречневая каша? Разве об этом сейчас нужно писать?

- Почему же не об этом? Если прикрыл миску, значит, после боя собирается пообедать. Значит - солдат! - ответил Гайдар.

В начале августа появился в Киеве еще один "известинец", Михаил Сувинский. Он поселился в одной комнате с Виктором Полторацким. Сразу включился в работу, передавал информации, но мечтал о большом очерке. Однажды, когда, вернувшись с фронта, журналисты снова собрались вместе, Виктор Полторацкий прочитал стихи:

Сувинский промолвил: ребята,
Нам дан очень маленький срок.
Пойду сквозь огонь автоматов,
Добуду четыреста строк.
В атаку ходил я немало.
С Гайдаром под Каневом был.
Но нету и нету подвала,
Без этого свет мне не мил...

Судя по воспоминаниям товарищей, Аркадий Гайдар побывал в Каневе несколько раз. Из первой поездки привез очерк "Мост". Части 26-й армии отражали тогда врага на дальних подступах к городу, по каневскому мосту выдвигался навстречу противнику бронепоезд "56", спешили на западный берег пополнения, шли на восток беженцы...

...В Переяслав отправились всей бригадой: Гайдар, Котов, Лясковский. Ехали не с пустыми руками, а потому весело. В кузове полторки

стоял

железный ящик с коробками кинофильма "Танкер "Дербент", снятого по повести

Юрия Крымова. В ведре плескались карпы. Кое-что удалось раздобыть в военторге.

Главный подарок - письмо Юрию Крымову от жены. Оно лежало в полевой сумке Аркадия Гайдара.

Редакцию газеты 26-й армии - "Советский патриот" - разыскали на окраине Переяслава. Юрий Крымов находился на передовой, но вот-вот должен был вернуться.

Поджидая Крымова, Аркадий Гайдар листал подшивку армейской газеты, делал выписки. Участвовал в редакционной летучке и выступил на ней. Встреча с Крымовым была радостной...

Юрий Крымов был моложе Аркадия Гайдара на четыре года. Жизнь его

сложилась по-иному: блестяще окончил физико-математический факультет

Московского университета, стал научным работником, первая книга вышла за три года до начала войны и сразу принесла большой успех...

И все же этих двух писателей связывала дружба, взаимная теплота, и, думаю, что общность их дальнейшей судьбы не случайна.

"Бои шли в районе Канева... - вспоминает корреспондент газеты

"Советский патриот" А. Щелоков. - Юрий Крымов, заметив, что наводчик

станкового пулемета убит, сам лег у пулемета и встретил наступающего противника шквалом огня".

Так в трудные минуты боя поступал и Аркадий Гайдар.

Когда Аркадий Гайдар и Юрий Крымов встретились в последний раз,

Канев

был уже в руках врага. 26-я армия перешла на левый берег.

"Все пошли проводить Гайдара.

Печальный, задумчивый стоял Юрий Крымов и, когда машина скрылась из глаз, сказал:

- Вряд ли увидимся..."

Юрий Крымов погиб в бою 20 сентября 1941 года возле села Богодуховка под Пирятином, когда редакция газеты "Советский патриот" вместе с другими разрозненными подразделениями 26-й армии пробивалась из окружения.

Одним из последних видел его живым парнишка из этого села Коля

Коваленко, вывозивший с поля на лошадях кукурузу.

"Меня кто-то окликнул. Пошел на голос и вскоре увидел среди снопов пятерых военных. Все они сидели на плащ-палатке, у каждого был пистолет.

- Не можешь ли ты достать нам гражданскую одежду? - спросил один из них...

Я поехал домой, собрал что было из старья, заехал к соседке Мотре

Слуцкой. Она дала мне три пары старых брюк, и я снова вернулся к военным.

Четверо тут же стали переодеваться, а пятый, самый высокий, с орденом на груди и двумя шпалами в петлицах переодеваться наотрез отказался... В ту же

ночь мой отец, Алексей Яковлевич, пошел в поле хоронить убитого немцами

советского офицера. Когда я взглянул на убитого, то узнал того человека, который отказался переодеваться..."

Последний очерк - "Ракеты и гранаты" - Аркадий Гайдар написал, сходя в ночной поиск с разведчиками 41-й дивизии на правый берег реки Остер.

Положение Киева резко осложнилось. Прорвавшиеся через Днепр вражеские части стремились с рубежа реки Остер выйти в тыл защитникам города. В глубоком тылу всех армий Юго-Западного фронта, замыкая их в кольцо, двигались навстречу друг другу крупные танковые группы Гудериана и Клейста.

В ночь на 18 сентября 1941 года был получен приказ: оставить Киев.

Вместе с другими корреспондентами и работниками политотдела 37-й армии

Аркадий Гайдар перешел на правый берег Днепра. Остаток ночи провели в

Дарницком лесу. Утром двинулись на Борисполь.

Виктор Полторацкий видел, как после одной из бомбежек Аркадий Гайдар прыгнул в кузов штабной полуторки...

В октябре 1944-го меня вызвали к начальнику политотдела Высшего

Военно-Морского училища имени Фрунзе, в котором я учился.

Прерывая мой

доклад, капитан I ранга Бельский поднялся из-за стола, протянул несколько листков.

- Садись, читай.

Отошел к высоким, обращенным к Неве окнам кабинета.

"Справка о гибели военного корреспондента "Комсомольской правды"

Аркадия Петровича Гайдара" занимала половину странички. К ней приложено

донесение военного журналиста капитана А. Башкирова:

"По заданию редколлегии я разыскал в Полтавской области могилу

погибшего в 1941 году военного корреспондента "Комсомольской правды"

Аркадия Петровича Гайдара".

В селе Лепляво хорошо помнят Аркадия Гайдара семьи погибших партизан Степанец и Касича. В селе Михайловском Каневского района Киевской области (в 18 километрах от Лепляво) я встретил жену лесника Швайко, сын которой был кучером и ординарцем у партизана Гайдара.

Из рассказов знавших Аркадия Гайдара колхозников и партизана Бутенко мне удалось установить следующее:

1. В партизанский отряд Горелова Аркадий Гайдар попал в сентябре 1941 года вместе с группой полковника Орлова (бывшего начальника штаба Каневской истребительной авиадивизии ПВО).

2. Полковник Орлов со своей группой пошел на выход из окружения, звал с собой Гайдара, но Гайдар категорически отказался покинуть партизанский отряд...

3. Гайдар в партизанском отряде с первого же дня зарекомендовал себя отважным пулеметчиком и особенно отличился в бою на территории лесопильного завода, когда он и еще два пулеметчика успешно отразили натиск большой группы немцев.

4. Гайдар вел дневник партизанского отряда, написал несколько... произведений в форме писем к сыну, жене, читал их партизанам Но автор всегда носил их с собой, и они попали в руки немцев.

5. Гайдар погиб 26 октября 1941 года в результате стычки с немецкой засадой. Как утверждает Бутенко, в этот день Гайдар и еще четыре партизана пошли на продбазу отряда. Там на них напали немцы. Гайдар поднялся и

крикнул: "В атаку!" Его сразила пулеметная очередь. (Остальные четверо спаслись.) Немцы тут же сняли с погибшего партизана его орден, верхнее обмундирование, забрали тетради, блокноты. Тело Гайдара захоронил путевой обходчик..."

Ранним утром 21 сентября 1947 года мы двинулись от лесной поляны возле села Лепляво к Днепру. Низенькая двухосная платформа (такие используют рабочие-путейщики) катилась, поскрипывая, по ржавым рельсам. Шпалы мешали почетному караулу держать шаг. Штыки поблескивали на солнце.

День занимался ветреный, но безоблачный.

На поляне, откуда мы начали свой путь, прямо пахли осенние травы.

Поляна была высокая и сухая. С одной стороны ее перерезает железнодорожная насыпь, с другой - подступает невысокий сосновый лес.

Вчера саперы перекопали эту поляну вдоль и поперек.

- Здесь, - сказал, наконец, один из солдат, отложил лопатку и начал разгребать песок руками.

Тело Аркадия Гайдара нашли метрах в десяти от холмика, который 26 октября 1941 года насыпал путевой обходчик Сорокопуд. Видимо, он сделал так, чтобы скрыть настоящую могилу от немцев и полицаев, если бы они задумали к ней вернуться.

- Одна пуля, - определила женщина военврач. - Прямо в сердце.

Узкие дощатые челны ждали нас на берегу. Они были украшены зелеными ветками, срезанными в прибрежном кустарнике.

Гроб с телом Гайдара сняли с платформы, перенесли в челн. Рядом встали

солдаты, секретарь Каневского райкома КПУ Ткач, секретарь райкома комсомола

Пашенко, еще несколько человек. В других челнах белели платочки учительниц

из Канева и Лепляво.

Рассеченный оврагами берег поплыл нам навстречу. Вздымалась громада

Тарасовой горы, карабкались на кручу мазанки Канева.

Вода возле тяжелых каменных быков взорванного моста пенилась, брызги

летели в лица солдат, зеленые прутьки трепетали под ветром.

Казалось,

дождавшись своего часа, Аркадий Гайдар форсирует Днепр с первым броском

десанта.

Стрекотали подвесные моторы, но мне слышался голос отца, его песня о

незакатной звезде, и звучали памятные с детства пророческие слова:

"Похоронили Мальчиша на зеленом бугре возле Синей реки..."
